

Гу Хуайюй улыбнулся:

— Да, многие слышали, что семья Чжэн покинула Императорскую столицу и вернулась в город Тао, но мало кто знает, как всё сложилось потом. Вначале, благодаря огромной известности вина «Тысяча золотых», многие специально приезжали в город Тао, чтобы его попробовать. Однако с каждым поколением качество вина становилось всё хуже, и теперь множество виноделен используют имя «Тысяча золотых» для своего бизнеса, из-за чего это вино стало распространённым и уже не имеет прежней ценности.

— В городе Юнь ведь тоже есть несколько «Виноделен Тысячи золотых», не так ли? Однажды я попробовал это вино и не смог забыть его настоящий вкус. Тогда я отправил людей в город Тао, чтобы узнать, что стало с винодельней семьи Чжэн. Оказалось, что она всё ещё существует, но уже не та, что раньше. На этот раз я сказал семье, что еду по делам, но на самом деле хочу выкупить винодельню семьи Чжэн и возродить славу вина «Тысяча золотых» в городе Юнь.

Глаза Сюэ Цзя загорелись:

— Неплохая идея. Возрождение настоящего персикового вина «Тысяча золотых» в городе Юнь действительно привлечёт внимание.

Гу Хуайюй поднял брови:

— У меня есть и другие планы.

Сюэ Цзя знал, что тот ждёт, когда его спросят, и потому намеренно произнёс:

— Какие же?

Гу Хуайюй улыбнулся с довольным видом:

— Не скажу. Узнаешь, когда вернёмся.

Сюэ Цзя не стал продолжать шутку, лишь слегка улыбнулся и, подойдя, взял Гу Хуайюя под руку, неспешно прогуливаясь по переулку.

В своё время семья Чжэн, спасаясь от бед, выбрала для винодельни место, которое, хотя и не было слишком узким, всё же находилось вдали от оживлённых улиц. Говорят, что «аромат вина не боится глубины переулка», но винодельня «Тысяча золотых» уже не та, что прежде.

Винодельня была устроена по принципу «магазин спереди, производство сзади». С порога было видно, что на прилавке стояло несколько кувшинов с вином, столы и скамьи были чистыми, но посетителей почти не было. Подмастерье, прислонившись к дверному косяку, выглядел сонным.

Когда группа Гу Хуайюя подошла, Юэ Лан, держа меч, встал в стороне, его лицо было холодным, и он не произносил ни слова. А-Бэй стоял рядом с Сюэ Цзя, а Чангуй подошёл к подмастерью и, слегка толкнув его, произнёс спокойным голосом:

— Эй, парень, где твой хозяин?

Подмастерье открыл глаза, увидел группу и сразу же расплылся в улыбке:

— О, господа, пришли выпить?

Чангуй покачал головой:

— Нет, наш господин пришёл поговорить с вашим хозяином.

Подмастерье на мгновение замер:

— С нашим хозяином? Могу я узнать, по какому делу?

Гу Хуайюй с улыбкой посмотрел на него:

— Да, мы пришли обсудить с ним одну сделку.

Прогуливаясь по винодельне семьи Чжэн, даже Сюэ Цзя не мог не осматриваться. Он впервые оказался в таком месте, и ему было очень интересно.

Гу Хуайюй с улыбкой посмотрел на Сюэ Цзя, а затем обратился к нынешнему главе семьи Чжэн, семидесятилетнему старейшине Чжэн Вэнькану:

— Старейшина Чжэн, как вы порешили?

Чжэн Вэнькан, всё ещё размышляя, уточнил:

— Вы имеете в виду, что мы можем сохранить название вина «Тысяча золотых» семьи Чжэн, но при этом разделить доходы от винодельни с семьёй Гу?

Гу Хуайюй улыбнулся:

— Естественно. Я слышал, что у вас три поколения единственного наследника, и ваш сын хочет, чтобы ваш внук в будущем поступил на государственную службу через экзамены. Если в будущем некому будет управлять винодельней, и настоящее вино «Тысяча золотых» исчезнет, разве это не будет печально?

Гу Хуайюй упомянул это, основываясь на информации, которую ему удалось раздобыть. В прошлой жизни семья Чжэн на этом этапе продала рецепт вина за высокую цену, и их потомки больше не занимались этим ремеслом.

Старейшина Чжэн кивнул, в его голосе слышалась грусть:

— Да, в последнее время я всё чаще об этом думаю.

Гу Хуайюй спокойно продолжил:

— Старейшина Чжэн, у меня есть предложение: если ваш внук хочет идти по пути государственной службы, вы можете усыновить ещё одного сына и обучить его искусству виноделия, чтобы он смог передать это наследство дальше.

Чжэн Вэнькан вздохнул:

— Я тоже об этом думал, но боюсь, что возьму кого-то с дурными намерениями, кто поглотит винодельню, и наша семья останется ни с чем.

Гу Хуайюй улыбнулся и кивнул:

— В этом вам не стоит беспокоиться. Если винодельня переедет в город Юнь под управление

семьи Гу, вы сможете заключить с вашим приёмным сыном официальный договор, по которому вы передадите ему винодельню и рецепт вина, а он будет получать долю от доходов семьи Чжэн. Семья Гу будет свидетелем этого соглашения. Таким образом, даже если ваш сын не будет управлять винодельней, он всё равно будет получать свою долю.

Чжэн Вэнькан задумался, а затем медленно произнёс:

— Это действительно хорошая идея.

— Итак, старейшина Чжэн, как вы порешили?

На этот раз Чжэн Вэнькан решительно кивнул:

— Согласен.

— Отлично.

Гу Хуайюй достал из кармана нефритовую подвеску с тонкой резьбой. На подвеске был вырезан иероглиф «Гу», а в правом нижнем углу — маленькая ажурная золотая башня, один из двенадцати символов семьи Гу. Резьба была выполнена главным мастером резьбы по нефриту семьи Гу, мастером Дяо Чжу, и её подлинность не вызывала сомнений. Затем Гу Хуайюй передал подвеску старейшине Чжэн:

— Я оставляю этот символ семьи Гу в качестве залога, пока вы не прибудете в город Юнь.

После того как две задачи в городе Тао были выполнены, Гу Хуайюй захотел прогуляться по городу со своим Сюэ Цзя.

Хотя город Тао был далёк от процветания города Юнь, Гу Хуайюй впервые путешествовал вместе с Сюэ Цзя, и в душе он был взволнован. Они не спешили возвращаться и за несколько дней успели изучить местные обычаи и культуру.

На следующий день, воспользовавшись хорошей погодой, Гу Хуайюй повёл Сюэ Цзя к самой известной достопримечательности города Тао — Персиковому лесу ста ли.

Хотя это был не сезон цветения, и они могли увидеть лишь сухие ветки и листья, в глубине леса находился храм Сюаньхуа, который круглый год принимал паломников. Гу Хуайюй хотел его посетить.

Когда они добрались до храма Сюаньхуа, Гу Хуайюй наконец увидел, что значит «процветающий храм». Люди не толпились, но движение было непрерывным, и у входа постоянно кто-то входил и выходил, без суеты и давки. Внутри храма, будь то монахи или паломники, все вели себя с искренней набожностью, что свидетельствовало о настоящей вере. Гу Хуайюй слышал, что только сам обладая верой, можно заставить других поверить, и монахи здесь действительно демонстрировали это в полной мере.

Взяв Сюэ Цзя под руку, Гу Хуайюй подошёл к персиковому дереву в храме и, глядя на него, почувствовал лёгкое замешательство.

В храме Сюаньхуа росло тысячелетнее персиковое дерево, и, в отличие от леса за пределами храма, его цветы никогда не увядали, что считалось чудом храма.

Сюэ Цзя, увидев дерево, полное цветов, обрадовался. Он купил у монаха две палочки

благовоний, одну передал Гу Хуайюю, поклонился дереву и положил благовония в курильницу перед ним.

Гу Хуайюй сделал то же самое, а затем, всё ещё с лёгким замешательством, спросил Сюэ Цзя:

— Цзя, ты думаешь, в этом мире действительно есть чудеса?

Сюэ Цзя мягко улыбнулся:

— Если веришь, то есть. Я верю.

— Если чудеса действительно существуют, то я прошу, чтобы они защищали тебя и приносили тебе мир каждый год.

— Хорошо.

Гу Хуайюй поймал лепесток цветка, его лицо стало более спокойным:

— Цзя, когда мы вернёмся в дом Гу, я, возможно, скажу отцу и старшему брату несколько лживых слов, но ты поверь мне, у меня есть причины для этого.

Прежде чем Сюэ Цзя успел ответить, к ним подошёл молодой монах, сложил руки и поклонился:

— Позвольте узнать, кто из вас господин Гу Хуайюй? Настоятель храма желает вас видеть.

Гу Хуайюй последовал за монахом в тихий внутренний двор храма Сюаньхуа, где находилась келья настоятеля, великого мастера Сюанькуна.

Перед встречей Гу Хуайюй немного нервничал. Только он один знал, что он уже не тот, кем был раньше. Он жил уже не в прошлой жизни, но некоторые вещи всё ещё не мог легко забыть.

Однако, когда он наконец увидел мастера Сюанькуна, его сердце успокоилось.

Внешность Сюанькуна не отличалась от других уважаемых монахов храма: он был облачён в монашеские одежды, его лицо излучало доброту, а белая борода развевалась на ветру. Но в нём была особая сила, которая успокаивала душу. Стоя перед ним, чувствовалась необъяснимая близость и расслабленность.

Гу Хуайюй поклонился:

— Мастер, как вы узнали обо мне? Почему вы позвали меня сюда?

Сюанькун сначала улыбался, но, посмотрев на него, его выражение постепенно стало серьёзным, а в глазах появилось удивление.

Гу Хуайюй был озадачен, но прежде чем он успел спросить, Сюанькун произнёс:

— Действительно, действительно, ты действительно тот, кто вернулся во времени.

Гу Хуайюй был поражён, внутренне понимая, что его разгадали, но внешне сохранял спокойствие:

— Мастер, о чём вы говорите?

Сюанькун вздохнул:

— Это поистине тысячелетний шанс. Твоё возвращение, вероятно, станет благом для многих.

Гу Хуайюй пристально посмотрел на Сюанькуна:

— Мастер знал?

<http://bllate.org/book/17686/1649951>